

DOI: 10.22363/2224-7580-2022-3-172-179

КОНФЛИКТ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

Марек Понкцински

*Институт литературных исследований Польской академии наук
Польша, Варшава, 00-330, Новый свет, 72*

Аннотация. Статья посвящена различным аспектам анализа конфликта и путей диалога по его разрешению в условиях массовой доступности информации. Автор полагает возможным оценить возникшую ситуацию как «новое Средневековье», которое вызвано переизбытком информации, а не ее недостатком, и ставит вопрос о новом типе конфликта, отличного от бывшего «идеологического» или «философического». В центре внимания находятся такие проблемы, как: поиск оснований в сфере теоретического права, которые могли бы соединить стороны «антропологического» конфликта, принадлежащие к разным географическо-культурным пространствам; выявление пространственных и временных координат пределов влияния культур и цивилизаций, безотносительно к политическим и экономическим отношениям. Подчеркнута значимость контекстной дискуссии между сторонами антропологического или цивилизационного спора о месте человека на оси противопоставления «целого» и «множества частей» с учетом влияния геополитики эмоции.

Ключевые слова: массовая доступность информации, деформация информации, политический и идеологический конфликт, антропологический спор, пределы влияния культур и цивилизаций, геополитика эмоции

В рамках данной публикации вниманию читателя предлагается 15 тем возможной научной дискуссии по различным аспектам анализа современного конфликта в контексте поиска путей диалога по его разрешению в условиях массовой доступности информации.

1) Политический и идеологический конфликт и подача информации в сети Интернет и СМИ. В рамках данной темы в реалиях современного состояния мирового информационного пространства ключевой вопрос заключается в том, насколько массовая доступность информации допускает ее деформацию (речь идет о широко понимаемых «фейковых новостях», подкрепленных ложными фото или киноматериалами, которые делают сообщение более достоверным). Конечно, рефлексия над этим явлением не должна замыкаться на обвинения в адрес СМИ другой стороны конфликта, но сосредоточиться на **размышлениях о последствиях такой ситуации**. Ссылаясь на формулу Николая Бердяева [1], можно сказать, что мы сейчас сталкиваемся с «новым Средневековьем», которое вызвано переизбытком информации, а не ее недостатком, как это было раньше. Возникает вопрос, возможно ли вообще согласие находящихся в конфликте обществ или их элит, в том числе

политических, когда у них совершенно разная картина реальности, когда эти версии реальности не только расходятся, но даже исключают друг друга?

Как можно (с обеих сторон конфликта) **стремиться преодолеть такой субъективизм и ненадежность СМИ** (например, через реально независимые порталы, оценивающие достоверность информации от основных «игроков» на информационном рынке)? Возможно ли использовать авторитеты, признанные обеими сторонами (например, религиозные или моральные)? Существуют ли сегодня вообще такие **бесспорные авторитеты**? Какие инструменты могли бы поддерживать контакт между договаривающимися сторонами, элитами или целыми обществами в ситуации «информационного разделения»? Следует ли до начала контактов **составить общий словарь** с точными определениями используемых терминов и может ли в этом помочь философия языка? Возможно ли – в конфликте – получить минимальный уровень согласия, необходимый для переговоров или сближения позиций, в ситуации, когда информационные ресурсы договаривающихся сторон крайне различны? Как специалисты по коммуникации могут помочь обеспечить минимальный уровень согласия?

Аудиовизуальные коммуникаторы и созданная ими культурная среда: помощь или препятствие на пути к соглашению?

2) Натура и черты «антропологического конфликта»: существует ли вообще новый тип международного или межцивилизационного конфликта или спора, который наследует признаки **бывшего «идеологического» или «философического» спора**?

В XIX столетии это был спор «материализм – идеализм» или «прогрессивный позитивизм – религиозный традиционализм». В XX в. – «коммунизм – капитализм» или «коллективизм – индивидуализм» (в консервативном варианте «коллективизм – персонализм»)?

А если ответ на вопрос о существовании «антропологического конфликта» [2] является положительным, то какими мирными средствами можно **приблизиться к разрешению такого спора в рациональном виде**?

Спор философский, со времен Сократа, можно пытаться разрешать в рамках дискуссии. Спор идеологический – по критерию соответствия идеологии эмпирическим фактам. Необходима ли **война**, чтобы разрешить спор «антропологический», который касается – если верить некоторым экспертам [3] – самой внутренней части человеческого тождества, народного «совместного подсознания»?

А может быть **искусство** могло бы сыграть роль в разрешении такого спора? Какими принципами мы должны руководствоваться, ища способы прийти к соглашению в этом типе спора, который наследует многие черты древних **религиозных конфликтов**?

3) Проблема ментальных «белых пятен» во взглядах, касающихся «другой стороны» конфликта, с особенным учётом **антропологических черт поведения и взглядов «другой стороны»** и их философического или исторического обоснования. Какие виды дискурса можно противопоставить **склонности к «дегуманизации» и очернению оппонента**, характерной для

дискурса политической журналистики, Интернета и СМИ времени конфликта?

Крупные примеры «белых пятен» в восприятии общекультурных позиций России и Европы.

4) Политический и идеологический **конфликт и международное право**: существуют ли понятия и критерии в сфере теоретического права, которые могли бы **соединить стороны «антропологического» конфликта** или спора, принадлежащие к **разным географическо-культурным пространствам**? Какое влияние на восприятие и понимание происходящего, в том числе его юридическую интерпретацию, имеют разные культурно-религиозные традиции (например, римское понимание права, право ислама, конфуцианская традиция)?

5) Проблема **временных и пространственных координат понимания конфликта/сотрудничества**. Как современное расширение круга человеческого опыта и относительная легкость получения информации влияет на **перцепцию «другого»** и понимание очень важного для когнитивной компетенции понятия **«родства»**?

Кого мы сейчас считаем «своими» или «чужими» и как на это влияет сходство исторических переживаний, содержание коллективной памяти, ежедневные практики обычной жизни («мы живём по-другому»)?

Ежедневные контакты между представителями разных «культур-цивилизаций» – помогают ли они или препятствуют созданию «универсальной платформы договора» между людьми?

6) Проблема **подражания в межкультурных отношениях**. Особенно вопрос: существует ли возможность экстраполяции понятий из теории искусства, таких как пародия, гротеск, ирония в их связи с подражанием, на интерпретацию общекультурных и цивилизационных явлений?

Как признанная всеми антропологами и философами человеческая тенденция к подражанию (мимезис), а с другой стороны – к созданию и поддержанию «дуальных структур» (см., напр., Иванов В.В. «Дуальные структуры в антропологии» [4]) относится к текущим проблемам на стыке культур и цивилизационных моделей? Особенная **логика подражания/дуализма** как возможное направление исследования при рассмотрении **проблем дружбы/конфликта** в межкультурных отношениях.

Польский пример: влияние турецкой культуры и искусства на дворянскую культуру Речи Посполитой во время войн Польши с Турцией в XVII столетии и особая «реконструкция» этого влияния в массовой форме, особенно в виде вторжения турецких сериалов, в популярной культуре консервативного «пост-дворянского популизма» периода 2016–2022 гг. в Польше. Видение влияния англо-саксонской культуры на Россию и Польшу и другие «постсоветские» страны Центральной Европы как **иронично-гротескного подражания** в различных вариантах.

7) Можем ли мы заметить аналогию между опытом России и стран Центральной и Восточной Европы при **«столкновении с современностью»**,

то есть их реакцию на нарастающее давление, проявленное через **цивилизационные формы, продвигаемые странами Запада**? Можно ли отметить определённые **этапы этой реакции** в разных социокультурных вариантах?

Возможные этапы: культурный шок – стадия хаоса; принятие через подражание; пародия и гротеск, то есть принятие через преувеличение определённых черт «оригинала» и радикальное уменьшение других черт (принцип кривого зеркала в межкультурных контактах); бунт и сопротивление, так называемое «вставание с колен», что приводит не столько к гегелевскому «синтезу», сколько **к новому разделению внутри «подражательной» культуры**, предоставляющему гораздо больше места ее исконным чертам.

Возможно ли провести аналогию между понимаемым таким образом «столкновением с западной современностью» и этапами борьбы с предшественником в области поэзии, выделенными американским критиком Гарольдом Блумом в его книге «Страх влияния»? [5]

В этом контексте можно рассмотреть проблему **пространственных и временных координат цивилизационных разделений** (см. пункт 5). В антропологии довольно широко распространенный взгляд, что «древние», «архаические» культуры пользуются **концепцией кругового времени**, связанной с циклами природы, а современные культуры, способные к развитию и прогрессу, – концепцией **линейного времени** (см., напр., Мирча Элиаде [6]). Каково влияние современной, или этноцентрической, концепции **прогресса**?

При этом «идеология» актуального спора «Россия – Запад» (или «Евразия – Атлантика», пользуясь терминологией А. Дугина [7]) основывается на **столкновении «пространственных» аргументов с «временными»**. Это, в предельном обобщении, то, что Россия считает территориальной «агрессией» Запада (католицизма, иезуитства, западного нигилизма), а Запад считает «стремлением наций под прежним влиянием России» или «наций посткоммунистических стран» к **«прогрессу»**, то есть к актуализации **потребительски-либеральной организации** общества.

На этом фоне можно рассмотреть интересные, но слишком мало воспринимаемые **анalogии в** текстах польского писателя и эссеиста Ярослава М. Рымкевича [8], венгерского политолога Иштвана Бибо [9].

Кстати, их нельзя назвать **«реакционными»** в марксистском понимании, потому что они предлагают **значительные модификации традиционных взглядов**, которые делают их **инновационными** с сегодняшней точки зрения. Можно сказать, что здесь мы сталкиваемся с еще одним интересным явлением, заслуживающим внимания: **инновационность** в отрыве от **концепции прогресса**. Не являются ли разные формы и степени **конфликта с потребительно-либеральной цивилизацией**, в которую попали разные страны Центральной и Восточной Европы (или Западной Евразии), **значительно схожими**?

8) Общая проблематика **кризиса** или, как говорят некоторые, «конца» **концепции прогресса** [10] в разных её формах, которые были сформированы со времен Просвещения.

Возможен ли только **«технологический» прогресс** или прогресс области так называемых «цивилизационных практик» в чисто прагматическом смысле без обеспечения его философско-моральных и социальных условий?

Следует ли принять **новую концепцию времени** для объяснения этих культурных и цивилизационных изменений? В частности, есть ли возможность того, что существующие уже философии времени, например **концепция материи-длительности французского философа Анри Бергсона** [11; 12], способны лучше, чем, например, философия постмодернизма или постмарксизма объяснить «возвращение того, что было в новом виде», с которым мы сейчас сталкиваемся?

Какие проблемы и понятия заменили или сейчас заменяют понятия «прогресс – реакция»? Можно ли назвать эти новые концепции и проблемы «проблемами поиска связности и смысла», которые выходят за рамки интересов современной цивилизации?

9) Поиск таких форм культуры и цивилизации, которые были характерны для России и государств Центральной и Восточной Европы во время «заката эпохи коммунизма», являющиеся своего рода **альтернативными** и вполне **оригинальными перспективами развития**.

Что оригинального, своеобразного осталось от этого великого проекта культуры и цивилизации коммунизма в культурно-цивилизационном пространстве? Речь идёт не только о возможных «широких» перспективах, как, например, **«третий вариант» экономики** между коммунистическим и капиталистическим, но даже небольших – но интересных – **культурных предложений**, которые являлись **альтернативой для коммерческой культуры**, которая подчинялась законам рынка или давлению либерально-индивидуалистической модели культуры («культура элиты»).

Польский пример: движение «художественной революции в польской прозе», провозглашённой влиятельным литературным критиком Хенриком Березой в 1975–1990 гг. Эта литература являлась альтернативой любимой оппозиционными кругами «патриотически-либертарианской» литературе и была похожа на ранний постмодернизм через идеи «множества отдельных языков», «языкового творчества», и в то же время она реализовывала вариант литературы **народно-крестьянского происхождения**. Интересно, что сейчас мы имеем дело с неким возвращением интереса критиков и писателей к этому направлению творчества.

10) Русский универсализм вне теории и практики коммунизма, либерализма, республиканизма. Как связать идеи рационального, **универсального общественно-политического проекта с истинно русской традицией?**

Этот пункт рассуждений мог бы быть символически основан на известном высказывании Ф. Достоевского об **«общечеловеческой» натуре русской культуры** (фраза из речи писателя по случаю открытия памятника А. Пушкину в 1880 г.), потому что «ко всеобщему, человеческому, братскому союзу русское сердце самое подходящее из всех народов» [13]. Какие тенденции и направления в русской философской мысли, социальной теории и других областях знания свидетельствуют о такой природе русской культуры и

цивилизации? Каким способом можно популяризировать их существование и увеличить влияние в мире, особенно в кругу западной цивилизации? Конкретные примеры таких явлений и движений: «Философия общего дела» Н.Ф. Фёдорова [14], идеи «серебряного века», «русский космизм» и достижения В.И. Вернадского [15] и др.

11) Проблема Второй мировой войны (или также – **Великой Отечественной войны** для россиян) как своеобразного «**хранилища воображения**», из которого комментаторы современной политической ситуации черпают **арсенал понятий и представлений**.

В какой мере **результат Второй мировой войны** до сих пор представляет «**матрицу мирового порядка**» и **моральных образцов** правильных решений в области политической этики?

Какие процессы и какие субъекты политической деятельности действуют сейчас в пользу этого «образца», а какие – против него?

Представляется, что рассмотрение этой проблемы должно опираться на существующие **культурные представления о Второй мировой войне** и интерпретации **их влияния на социальную совесть**.

12) Проблема возможности влияния русской культуры и цивилизации вне политических и сильных экономических связей.

Существует ли такая возможность? Как рассмотреть шансы такого влияния в перспективе антропологии и культурологии? Работает ли или может ли работать **русская высокая и даже массовая культура как альтернатива** кажущимся универсальными образцам западной культуры?

13) Проблема контекста или широкого «поля» дискуссии между **сторонами антропологического, цивилизационного спора** (конфликта).

Как восстановить такой **общий для всех сторон контекст** во время современного «разделения языков» (проблема «Вавилонской башни»)? Следует отметить, что в XIX в. европейская и русская философия оставались точкой соприкосновения даже для левых радикалов и консервативных традиционалистов, а **этическим горизонтом спора** являлось **гуманистически осмысленное христианство**.

Как это представляется сейчас? Может быть, такой общий контекст представляет сейчас **наука со своими эмпирическими теоремами**?

Каким является видение человека на оси противопоставления «**целого**» и «**множества частей**» (холизм – аналитическая и критическая философия). Что сделать тогда с научными (или научно-популярными) книгами, которые представляют функционирование живых организмов с точки зрения сбора, передачи и использования информации в виде сети, включающей различные клеточные и молекулярные центры не только в мозгу, но и во всем живом организме? (См. книгу П. Девиса «Демон в машине. Как скрытые информационные сети объясняют тайну жизни» [16].)

Является ли наука в таких случаях идеологически обусловленной или, наоборот, можно ли делать выводы о политике и устройстве жизни на основании научных утверждений?

14) Проблема «геополитики эмоций». Как сознательные и бессознательные сильные чувства управляют нашим поведением и формируют наш менталитет? Можно ли вообще определить такие «базовые эмоции» в разных культурных и народных кругах? (См. работу Доминик Мойси «Геополитика эмоций» [17].)

Какие концепции «коллективного подсознания» можно и нужно использовать для выводов о поведении широких масс людей в разных странах и культурах? (Психоанализ Карла Юнга, анализ культурной символики Жильбера Дюрана [18], когнитивистика Дэна Спербера [19] и др.)

Проблема соседства ненависти с любовью (немецкое название «Hassliebe») и ее влияние на отношения между нациями и обществами. Как защитить научные исследования эмоционального состояния общественного сознания от политического давления и стереотипов?

15) Гештальт художественных произведений и значимых текстов культуры (не только как **источник полезных цитат**, но и **ракурсов описания действительности**) в актуальном политическом, социологическом, культурологическом и публицистическом дискурсе. И здесь важнейший вопрос – каковы пределы их воздействия и могут ли они, помимо **формирования** общественного сознания, еще и **деформировать** образ действительности?

Литература

1. *Бердяев Н.* Смысл истории. Новое Средневековье / Н. А. Бердяев, сост. и ком. В. В. Сапова. М.: Канон+ : ОИ «Реабилитация», 2002. 448 с.
2. *Кабылинский Б. В.* Антропология конфликта (философско-антропологический анализ): дис. ... д-ра филос. наук. Белград, 2021. 350 с. URL: https://ifppanrt.tj/avtoreferati-2018/2021/Kabilinskiy/Dissertatsiya_of_KabilinskiyB.pdf
3. *Метаморфозы русской литературы.* Белград, 2009.
4. *Иванов В. В.* Дуальные структуры в антропологии: курс лекций. М.: РГГУ, 2008. 332 с.
5. *Блум Х.* Страх влияния. Теория поэзии; Карта перечитывания / пер. с англ. С. А. Никитина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998. 351 с.
6. *Элиаде Мирча.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
7. *Космическое обновление // Конец света / под ред. А. Г. Дугина.* М.: Арктогея, 1998. С.159-177.
8. *Британишский В.* Ярослав Марек Рымкевич // Речь Посполитая поэтов. СПб: Алетейя, 2005. С. 508-512.
9. *Бибо И.* О смысле европейского развития и другие работы. М.: Три квадрата, 2004. 477 [2] с.
10. *Бенуа Ален де.* Краткая история идеи прогресса. URL: <https://katehon.com/ru/article/kratka-ya-istoriya-idei-progressa> (дата обращения: 13.07.2021).
11. *Бергсон А.* Собрание сочинений. Т. 1: Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. М.: Московский клуб, 1992. 325 [2] с.
12. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М.: Кучково поле: Канон-пресс, 1998. 382 с.
13. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 881 с.
14. *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. М.: ЛитРес, 2012. 1020 с.
15. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.

16. *Devies Paul*. The Demon in the Machine. How Hidden Webs of Information Are Solving the Mystery of Life. London, 2019. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226669847.001.0001>
17. *Моизи Доминик*. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир / пер с англ. яз. [Dominique Moïsi. How Cultures of Fear, Humiliation, and Hope Are Reshaping the World. Doublday, a division of Random House, Inc., New York, 2009]. М.: Московская школа политических исследований, 2010. 216 с.
18. *Durand Gilbert*. Les structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris: Presses universitaires de France, 1963. 518 p.
19. *Sperber Dan*. Rethinking Symbolism. Cambridge University Press, 1977. 162 p.

CONFLICT AND ITS OVERCOMING

Marek Ponkcinski

*The Institute of Literary Research of the Polish Academy of Sciences
72 Nowy Świat, 00-330, Warszawa, Poland*

Abstract. The article is devoted to various aspects of the analysis of the conflict and ways of dialogue on its resolution in the conditions of mass availability of information. The author considers it possible to assess the situation that has arisen as a “new Middle Ages”, which is caused by an overabundance of information, and not its lack, and raises the question of a new type of conflict, different from the former “ideological” or “philosophical”. The focus is on such problems as: the search for grounds in the field of theoretical law that could connect the parties to the “anthropological” conflict, belonging to different geographical and cultural spaces; identification of spatial and temporal coordinates of the limits of the influence of cultures and civilizations, regardless of political and economic relations. The importance of the contextual discussion between the parties of the anthropological or civilizational dispute about the place of a person on the axis of the opposition of the “whole” and “many parts”, taking into account the influence of the geopolitics of emotion, is emphasized.

Keywords: mass availability of information, deformation of information, political and ideological conflict, anthropological dispute, limits of influence of cultures and civilizations, geopolitics of emotion